

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ

Н.В. ГОГОЛЯ (“ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ”)

Е. Чернова

Определяются роль, характер гоголевской фантастики и мистики в его раннем творчестве, сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Ключевые слова: Н.В. Гоголь; «Вечера на хуторе близ Диканьки»; фантастика; мистика.

Наследие Гоголя – одна из самых ярких и не до конца разгаданных страниц русской литературы. Художественный мир Гоголя необыкновенно своеобразен и сложен.

“Вечера на хуторе близ Диканьки” – первый сборник, принесший известность Гоголю, – большинство исследователей определяет как собрание романтических произведений, с оговоркой, что есть в них переплетение фантастического и реального [1, 2]. «Слияние фантастики с реальностью у Гоголя заключает в себе глубокий

поэтический смысл... усиливает и комизм “Вечеров...”» [3, 76].

Характер гоголевской фантастики, особенности фантастических образов поэтического мира Гоголя представляют особый интерес для исследователя.

В литературе романтизма фантастика занимает особое место. “Фантастика (от греч. *phantastice* – способность воображать) – мир необычайных представлений и образов, порожденных воображением художника [4, 887].

Романтики особенно ценили силу ее воздействия на читателя, ее познавательные возможности. Тяготение к фантастике, условность форм, смешение высокого и низкого, комического и трагического, обыденного и необычного – это черты, присущие романтизму и как литературному направлению, и как художественному методу.

В “Вечерах...” Гоголь нарисовал пленительный образ милой и дорогой его сердцу Украины, воспроизвел во всем ее многообразии народную жизнь, попытался раскрыть сущность национального характера народа: его храбрость, свободолюбие, незлобливость, доверчивость, веселость, простодушие. Он поведал о поэтических сторонах народной жизни. Патетика народного и национального чувства выражена здесь с исключительной проникновенностью, она становится близкой, понятной любому читателю в любое историческое время.

Гоголевский романтизм в “Вечерах...” характеризуется гармонией мира и человека. Писатель рисует жизнь, исполненную согласия, которое нарушают враждебные силы. Эти силы и воплощены в фантастических образах: черта, ищущего красную свитку (“Сорочинская ярмарка”), Басаврюка, “сатаны, принявшего человеческий образ” (“Вечер накануне Ивана Купала”), русалок и ведьм – мачехи (“Майская ночь, или Утопленница”), Солохи (“Ночь перед рождеством”), – колдуна, разной нечисти (“Страшная месть”), они олицетворены в целом ряде героев, близких к нечистой силе: в Хивре, цыганах из “Сорочинской ярмарки” и многих других. Зло персонифицировано, потому бороться с ним легче. Если назван носитель, то зло преодолимо.

Яркий комический эффект производит прежде всего гоголевский прием “обытовления” фантастического. Чертям, русалкам, ведьмам придаются вполне реальные, определенные человеческие свойства. Так, черт из повести “Ночь перед Рождеством” “спереди совершенный немец”, а “сзади он был настоящий губернский стряпчий в мундире” [5, 1, 156]. И, ухаживая за Солохой, он нашептывал ей на ухо “то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду” [там же]. Черти и ведьмы в “Вечерах” перенимают ухватки, манеру поведения обыкновенных людей, вернее – комедийных персонажей. “Черт ... не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимками, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он

готов на все: кинется в воду, а душу отправит в пекло” [5, 1, 169].

Фантастическое и реальное смешано у Гоголя в каком-то причудливом гротеске. Фантастическим перипетиям удивляются не только читатель, но и сами персонажи: в “Ночи перед Рождеством” Вакула недоуменно глядит на искусство Пацюка, глотающего вареники, предвзрительно окунающиеся в сметану.

Фантастика, вплетенная писателем в реальную жизнь, приобретает в “Вечерах” прелесть наивно-народного воображения и, несомненно, служит поэтизации народного быта. Человек не только не боится “нечистой силы”, он заставляет ее служить себе. Так, кузнец Вакула заставляет черта выполнять всевозможные свои требования.

В исследованиях по творчеству Н.Гоголя существует различные мнения о том, что стало источником появления фантастических образов в художественном мире Гоголя: фольклор, подражание немецким романтикам, русская литературная традиция или традиции житийной и аскетической литературы?

Создавая радостный мир мечты, Гоголь нередко обращается к “нестрашной”, комической фантастике, так часто встречающейся в народных сказках. Фантастические персонажи в “Вечерах” могут помогать человеку (панночка-утопленница в “Майской ночи”) или же пытаются ему навредить, но при этом чаще всего оказываются побежденными смелостью, умом, смекалкой гоголевских героев так, как это происходит в фольклорных произведениях. Кузнец Вакула, к примеру, смог подчинить себе “нечистую силу”, оседлал черта и отправился на нем в Петербург добывать черевички у самой царицы для гордой Оксаны.

По мнению большинства литературоведов¹, источником фантастических образов стали легенды, сказки, элементы народной фантастики, отсюда и ведьмы, русалки, колдуньи, черти. И нет ничего в них таинственного, мистического, потустороннего. В этом отношении Гоголь коренным образом отличается от Жуковского или немецких романтиков, например Тика или Гофмана. Автор “Вечеров...” придает своей “демонологии” реально-бытовые черты [6, 75], о чем говорилось выше. Она у Гоголя несколько не страшна, она смешна и искрится великолепным народным юмором. Черт и ведьмы пытаются навредить человеку, причинить ему ущерб. Но,

¹ Среди них Храпченко М.Б., Пospelов Г.Н., Машинский С.И. и др.

в конце концов, их старания оказываются тщетными. И недаром каждое появление этой чертовщины сопровождается лукавой гоголевской усмешкой. Человек сильнее всякой чертовщины. Вся жизненная философия писателя одухотворена верой в человека, в народ и его силы, в конечную победу добра над злом.

Если сопоставить фантастические образы Гоголя и те, которые рождены народной фантазией сказок, можно обнаружить и отличие. Мотив использования черта человеком иногда обретает в народной сказке трагедийную окраску. Можно вспомнить, например, сказки “Горшечник” или “Беглый солдат и черт”. Человек оказывается здесь жертвой своей беспечности, наивной веры в благость существа, которому он доверяется. И чем больше его беспечность, тем трагичнее за нее расплата.

У Гоголя этот мотив, продажа души человека черту, значительно трансформируется. Его Петро (“Вечер накануне Ивана Купала”) оказывается жертвой черта менее всего вследствие наивной веры в его благость. Басаврюк, встретив в шинке Петра, обещает ему деньги в обмен на одну услугу, но тот, завидев червонцы, нетерпеливо перебивает его: “На все готов”. А в первой редакции повести, напечатанной в “Отечественных записках”, – еще более выразительно: “Хоть десять дел давай, только скорее деньги”. Так начинается грехопадение Петра, завершающееся катастрофой. И она – результат не наивной беспечности героя, а его порочной жадности денег. Совершенно очевидно, что сатирическая интерпретация этого мотива у Гоголя иная, чем в народных сказках. Фантастическое в “Вечерах” соседствует и пересекается с фольклорно-сказочным. Свои повести Гоголь буквально собирает из фольклорных блоков. Этой теме посвящены десятки, если не сотни, исследований.

В “Пропавшей грамоте”, к примеру, использована легенда о запроданной душе, за которой отправляются в ад. (Гоголь, сознательно путая фантастическое и комическое, подменяет в повести “душу” – “шапкой”.) В основе повести “Вечер накануне Ивана Купала” – предания об Иване Купала, а в “Сорочинской ярмарке” – легенда о черте, выгнанном из пекла, и легенда о поиске чертом своего имущества.

Как же Гоголь распоряжался фольклорными источниками? “...На другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто, кусать за палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда вплетена в

нее лента” [5, 1, 96]. Даже по одному этому отрывку из “Вечера накануне Ивана Купала” видно, насколько авторская проза далека от первоисточника. Во-первых, Гоголь пользуется крупным планом (монисто на шее; лента, вплетенная в косу). Во-вторых, придает происходящему конкретно-чувственный характер. В-третьих, вводит элемент пародии (“кусать за палец, когда на нем перстень”).

В каждой повести “Вечеров...” взаимодействуют сразу несколько фольклорных сюжетов. Концентрация сказочного материала в них громадна. Гоголь сжимает целые сказки до размеров эпизода. В “Сорочинской ярмарке” сварливая Хивря, услышав стук в дверь, прячет кокетливого поповича на доски под потолком. Этот фрагмент – усеченный сюжет народной сказки “Поп”. Кстати говоря, в сказке конкретно-чувственное начало, несмотря на игривость ситуации, полностью отсутствует. У Гоголя же оно играет не меньшую роль, чем сам сюжет: “Вот вам и приношения, Афанасий Иванович! – проговорила она, ставя на стол миски и жеманно застегивая свою будто ненарочно расстегнувшуюся кофту, – варенички, галушечки пшеничные, пампушечки, товченички!” [5, 1, 78].

Фольклорная фантастика представлена в гоголевской прозе не только на сюжетном – самом очевидном – уровне. Вода, огонь, лес играют в “Вечерах” ту же роль, что и в фольклоре. А.Н.Афанасьев в статье “Ведуны, ведьмы, упыри и оборотни” отмечает, что в разных регионах подозреваемых в ведовстве пытали по-разному: жгли каленым железом, вешали на деревьях. В Литве колдуний приманивали на кисель, который варили на святой костельной воде, испытывали: настоящая ведьма плавала поверх воды вместе с привязанным камнем. Тех, которые признаны были ведьмами, заколачивали насмерть и топили силою. В “Майской ночи” Гоголь, оставаясь верным украинскому обычаю, превращает ведьму в утопленницу, которая живет в пруду. В “Вечере накануне Ивана Купала” девушки бросают бесовские подарки – перстни, монисто – в воду: “...Бросишь в воду – плывет чертовский перстень или монисто поверх воды, и к тебе же в руки” [5, 1, 96].

Воспринимал ли Гоголь фольклор как фольклор, т.е. филологически? В известном смысле, да. В письмах он просил мать и близких присылать ему в Петербург фольклорные материалы. Самым внимательным образом писатель штудировал “Грамматику малороссийского наречия” Павловского. Он выписывает оттуда десятки украинских имен и, как отмечает Г. Шапи-ро,

136 пословиц и поговорок. Некоторые из них Гоголь использует в “Вечерах”.

Фантастическими сюжетами своих “Вечеров” Гоголь в какой-то мере все же перекликался и с романтическими балладами Жуковского, с такими, как “Людмила”, “Светлана”, “Старушка”, “Громобой” и т.д. [2, 44]. Он также по большей части строил свои сюжеты на мотивах общения людей с потусторонними силами, с таинственным и чудесным, будто бы существующим за пределами человеческой жизни.

Но это было лишь частичное внешнее сходство. У Жуковского средневековая фантастика выражала собственные религиозно-мистические настроения поэта и являлась основным содержанием произведения. Вследствие такой творческой субъективности она не заключает в себе исторического подхода к изображаемой жизни, хотя Жуковский и заставляет общаться с призраками людей различных стран, эпох не только простую крестьянскую девушку Людмилу, но и жену Смальмгольмского барона, и даже гомеровского Ахилла под стенами Трои.

Волшебнo-сказочная фантастика отображается Гоголем не мистически, а более или менее очеловеченно. Только в двух повестях (“Вечер накануне Ивана Купала” и “Страшная месть”) фантастическое приобретает зловещий (в последней – с оттенком мистического) характер. Фантастические образы здесь выражают существующие в жизни злые, враждебные человеку силы, прежде всего, – власть золота. Однако и в этих повестях разворачивается история не торжества, а наказания зла, и таким образом утверждается конечная победа добра и справедливости.

Гоголь изображает жизнь, преображенную народной фантазией. Однако фантастическое – не просто “объект изображения”. Оно ценно для Гоголя свободным, творческим преображением мира, верой в его “чуждость” и поэтому соприкасается с определенными границами эстетического идеала писателя. “В “Вечерах...” герои во власти религиозно-фантастических представлений, языческих и христианских верований. В рассказах о недавних событиях, о современности демонические силы воспринимаются как суеверие. Отношение самого автора к сверхъестественным явлениям ироническое. В изображение демонических сил Гоголь не вкладывает почти ничего мистического. Он любит в своих повестях мифологическими преданиями своего народа, отзвуками его далекого исторического “детства” в его “исторической неповторимости”.

Интересно, что к традициям житийной, аскетической литературы возводит сюжет и образы “Ночи перед рождеством” В. Розов. “Уже в житии одного из древнейших наших святых, св. Антония Новгородского, рассказывается, как черт... из страха перед крестным знаменем должен был исполнить желание святого и свозить его на своей спине в течение одной ночи в Иерусалим и обратно в Новгород” [7, 118]. Известна и повесть о путешествии Иоанна Новгородского на бесу в Иерусалим. Вероятно, что традиции духовной литературы оказали определенное влияние на выбор сюжета для этой повести.

Благочестие у Гоголя играет определяющую роль в одолении зла. Вакула усмиряет черта многократным наложением креста. В “Пропавшей грамоте”, играя, “дед карты потихоньку под стол – и перекрестил: глядь, у него на руках туз, король, валет козырей...” [5, 1, 146].

Современный исследователь творчества Гоголя Владимир Воропаев в работе «Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении» подвергает критике авторов комментариев к ранним произведениям писателя в новом академическом издании собрания сочинений Гоголя, утверждая, что авторы “неправомерно выводят поэтический мир гоголевских повестей из немецкого романтизма, где человек как бы не может противостоять мировому злу. При всей яркости и художественном богатстве первых произведений Гоголя в них присутствует твердый и ясный взгляд на силы зла – взгляд православного христианина. Они у Гоголя неизбежно оказываются попранными и побежденными Божественной силой... У Гоголя Бог всегда сильнее сатаны. Об этом свидетельствуют многочисленные эпизоды его ранних произведений, в которых крестное знамение разрушает все дьявольские козни (“Пропавшая грамота”, “Ночь перед Рождеством”))» [8]. Далее, полемизируя с оппонентами, Владимир Воропаев пишет: “И это вовсе не фольклорный мотив, как считают комментаторы нового академического издания. Да, я не оговорился, – прямо так и написано, что крестное знамение – это «типичный фольклорный мотив, характерный также и для вертепного театра» [Там же].

Божественное в концепции Гоголя – это естественное, это мир, развивающийся закономерно. Наоборот, демоническое – это сверхъестественное, мир, выходящий из колеи. Но при этом христианское воззрение Гоголя постепенно меняется (растет). Более полно, нежели в других произведениях, оно выражается в повести “Страшная

мечь". Здесь в образе колдуна олицетворяется дьявольская сила. Но этой страшной силе противопоставляется православная религия.

Определяя характер фантастики Гоголя, Юрий Манн, один из самых авторитетных исследователей творчества Н.В. Гоголя, считает, что все произведения, в которых так или иначе выступает фантастика, нужно разделить на два типа по тому, к какому времени относится действие в произведении. Есть произведения о прошлом, их шесть, и есть произведения о настоящем. К первым относятся пять повестей из "Вечеров" – "Пропавшая грамота", "Вечер накануне Ивана Купала", "Ночь перед рождеством", "Страшная месть", "Заколдованное место" и "Вий" (последняя повесть – из сборника "Миргород"). Все они имеют общие типологические черты [9].

Таким образом, в "Вечерах..." Гоголь довел до совершенства романтическое искусство перевода обыкновенного в необыкновенное, превращения действительности в сновидение, в сказку. Границы между действительным и фантастическим у Гоголя неуловимы – разве чуть усиливается музыкальность и поэтичность авторской речи, она незаметно проникается переживаниями героя и как бы освобождается от конкретности и "телесности", становится легкой, "невесомой".

И если судьба его героев – украинской крестьянской и казацкой молодежи – в их личных, главных образом, любовных отношениях бывает при этом как-то таинственно связана с чудесными силами, живущими где-то в природе, – с чертями, ведьмами, колдунами, или мешающими или помогающими их счастью, то и эти связи с демоническими силами только делают их жизнь многозначительнее, содержательнее, ярче [10].

Источником фантастических образов в художественном мире Н.В. Гоголя стали легенды, сказки, элементы народной фантастики, отсюда и ведьмы, русалки, колдуньи, черти; менее – рус-

ская литературная традиция (В.А. Жуковский) и в какой-то степени – традиции житийной и аскетической литературы. К использованию источников Гоголь относится творчески.

Фантастическим героям писатель придает вполне реальные, определенные человеческие свойства, используя прием обытовления, этот прием создает комический эффект.

Таким образом, фантастика, мистика – эти явления художественного мира Гоголя находят свое выражение уже в самом раннем сборнике Гоголя – "Вечерах...", в дальнейшем они будут подвергаться трансформации, изменяться, но начало им положено именно здесь, в сборнике повестей об украинской жизни.

Литература

1. Хранченко М.Б. Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя. – М.: Современник, 1984.
2. Поспелов Г.Н. Творчество Н.В. Гоголя. – М.: Учпедгиз, 1954.
3. Ермилов В.В. Гений Гоголя. – М.: Сов. Россия, 1959.
4. Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. – Т. 7. – М.: Сов. энцикл., 1978.
5. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. В.Р. Щербины. – М.: Правда, 1984.
6. Маишинский С. Художественный мир Гоголя. – М.: Просвещение, 1971.
7. Розов В. Традиционные типы малорусского театра XVII–XVIII вв. и юношеские повести Н.В. Гоголя // Памяти Н.В. Гоголя. Сборник речей и статей. – Киев, 1911.
8. Воронаев В. Полтора века спустя. Гоголь в современном литературоведении / <http://www1.pravmir.ru/author/78671abb79474410013f98db>
9. Манн Ю. Поэтика Гоголя. – М.: Худ. литература, 1978.
10. Материалы сайта <http://www.nikolaygogol.org.ru>